

МАНСИЙСКАЯ ТОПОНИМИЯ КАК ЛИНГВОЭТНИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН

© 2010 г. А. К. Матвеев

Топонимия манси рассматривается в статье как памятник культуры и истории народа. Интерпретация материала, в том числе собранного участниками Топонимической экспедиции Уральского университета, позволяет автору предложить новую версию маршрута древних миграций мансийских племен.

The article observes toponymics of Mansi as a monument to the culture and history of the nation. Interpretation of materials, including those collected by participants of the Toponymic Expedition of Ural State University, lets the author suggest a new version of the ancient migration route of Mansi tribes.

Топонимия манси, небольшого народа Северного Зауралья, интересна во многих отношениях. Этому способствовали: природные контрасты – бескрайняя глухая тайга, окаймленная могучей Обью с притоками и величественными горами Северного Урала; оленеводство, охота и рыболовство как основные виды хозяйственной деятельности, которые требуют всестороннего освоения окружающей местности и разработки подробной географической номенклатуры; связанная с труднодоступностью значительная обособленность территории и, соответственно, ничтожная роль искусственной номинации; чисто внешний характер христианизации манси, которые придерживались своих языческих верований и сберегли удивительную мифологию, отраженную и в географических названиях; структурные возможности мансийского языка, в частности, широкое распространение причастных конструкций в “событийных” названиях, прямо указывающих на то или иное действие, реальное или воображаемое.

В мансийской терминологии, прежде всего в оронимии, много наименований, важных в лингвоэтническом отношении. Фронтальный сбор мансийских географических названий, осуществленный Топонимической экспедицией Уральского университета на территории горной части Северного Урала в непосредственных контактах с оленеводами и в водных маршрутах с проводниками, позволяет обобщить лингвоэтническую информацию, которая содержится в топонимии северных манси.

Подавляющее большинство названий на этой территории собственно мансийского происхождения, что указывает на давность ее освоения мансийскими первопоселенцами. Топонимов, которые могут рассматриваться как домансийские, засвидетельствовано сравнительно немного.

Содержательная сторона мансийских географических названий аналогична семантике топонимических систем других северных народов, которые восприняли христианство, сохранив вместе с тем основы древних языческих верований. Охотничье-рыболовецкий и оленеводческий быт манси находит объективное и всестороннее отражение в мансийской топонимии. В то же время топонимия манси населена многочисленными языческими божками и духами, как добрыми, так и зловредными, как общемансийскими, так и местными. Нередко названия имеют профилактический характер. Указывает топонимия и на священные, а также табуированные объекты, места жертвоприношений и т.п. Образное видение манси иногда порождало и целые микросистемы взаимосвязанных метафорических названий.

Естественно, что на огромной территории, освоенной этими охотниками и рыбаками, а со временем и оленеводами с их полукочевым образом жизни, то или иное *место* (хорошее или плохое, священное или проклятое, или просто ориентир) и его название становились важнейшими атрибутами жизни. Мифы, связанные с конкретными географическими объектами, порождали наименования, а они в свою очередь – новые мифы. И топонимия стала одной из реальных основ мансийского мифотворчества.

Жизнь северных манси-оленеводов была тесно связана с кочевьем (касланием) в горах Северного Урала. Это обусловило богатство оронимии, которая во многом определяет специфику мансийских географических имен. Кочевой быт и полная неожиданностей жизнь оленевода и охотника обусловили появление многочисленных ситуативных названий, среди которых нередки и

исторически значимые. Горные пейзажи со своей стороны благоприятствовали возникновению и развитию семантически связанных групп топонимов и мифов, в той или иной степени мотивированных географией региона. Так в названиях гор закрепились представления, восходящие к древним мифам о потопе и к сказаниям о каменных богах-покровителях и их окаменевших врагах.

Мансийский вариант мифа о потопе (подробности см. [1, с. 81–85]), различные версии которого распространены у многих народов, отражен в названиях таких высоких хребтов, как *Яныг Квот Нёр* и *Мань Квот Нёр* – “Большой Кисовый Камень” и “Малый Кисовый Камень”. Вершины этих хребтов остались сухими, но были величиной с кису оленя (*киса* или *кыса* – шкура с голени оленя или лося). На горе *Хёлат сяхл* – “Гора мертвецов” – незатопленная вершина была побольше, и там спасались манси, но умерли. Предания такого рода связаны и с названиями некоторых других гор. Их реальную основу надо видеть в разливах многоводных сибирских рек, хотя подобные мифы могут быть и отдаленным отзвуком глобальных катастроф послеледникового времени.

Однако не только высота гор, но и их форма привлекала внимание оленеводов. Образное видение манси усмотрело в системе гор Северного Урала целый мир каменных богов и людей. Из мифов о каменных богах наиболее замечательны предания о богах-покровителях – “нёройках”. Мансийское *Нёр ойка* точнее всего перевести как “Старик Камень”, “Старик Урал”, но с оттенком “почтенный”, “чтимый”, а также “хозяин”, “владыка”, “покровитель”.

Мифы о нёройках [1, с. 248–249; 2, с. 54–60; 3, с. 98–99, 136–137] обычно связаны с отдельными хребтами и горами (геоморфологи называют их островными), которые визуально было легко антропоморфизировать. Весь “мансийский” Урал был поделен на части, которыми управлял тот или иной нёройка. Автору известно семь нёроек. Самый южный возвышается на севере Свердловской области и именуется *Ось Тэгт талях Нёр ойка* – “Старик-Камень в верховье узкой Сосьвы”. Русским он известен как Денежкин Камень. Самый северный – *Сакв талях Нёр ойка* – “Старик-Камень в верховье реки Сыгва” – находится уже на границе Приполярного Урала с Полярным. Основа номинации прозрачна: высокие горы во всем мире воспринимаются как божества, владыки, покровители и т.п. Но есть интересная деталь: у двух нёроек имеется сосед – гора с названием *Хусь ойка* – “Старик-служитель”, “Старик-по-

мощник”. В одном случае находится и мифологическое объяснение. Манси рассказывают, что на Северной Сосьве жил некогда могучий богатырь *Тэгт котиль ойка* – “Старик середины Сосьвы”, который после смерти стал духом-покровителем среднесосьвинских манси [2, с. 52–55; 3, с. 136–137]. Однажды он решил подчинить себе земли в бассейне реки Вижай (на севере Свердловской области), но местные каменные боги *Ойка сяхл* (*Нёр ойка*) и его жена *Эква сяхл* – “Старик” и “Старуха” отбили нападение и даже получили в заложники и услужение его сына, который теперь возвышается рядом с ними и именуется *Тэгт котиль ойка ныг* – “Сын старика середины Сосьвы” или *Хусь ойка*. Возможно, что это предание имеет исторические корни и хранит память о каких-то древнемансийских внутренних конфликтах.

Есть, однако, предания, которые находят надежные подтверждения как в реалиях мансийской жизни, так и в топонимии, и поэтому особенно значимы в историческом отношении. Это прежде всего мифы о том, что манси пришли в зону тайги откуда-то с юга [2, с. 35–42]. Манси-олeneводы особенно почитали сына верховного бога Торума по имени *Мир суснэ хум* – “Человек, осматривающий мир”, который представляется в виде всадника на крылатой лошади [1, с. 111–117; 3, с. 89–91]. Ему они приносили в жертву лошадей, особенно белой масти. И мансийская топонимия тоже подтверждает, что манси раньше жили южнее, где-то в лесостепной полосе, и были коневодами, подобно своим сородичам венграм, с которыми у них общая коневодческая терминология [4, с. 192–193]. Два мощных горных массива на Северном Урале называются *Лув Нёр* – “Конь-Камень”. Есть и другие названия такого рода: близ хребта Сисуп, по форме напоминающего круп лошади, находится остроконечная горка *Лув сяккур* – “Лошадиная титька”, а вершина хребта Пас Нёр именуется *Пас Нёр лув сыс хурип ломт* – “Кусок хребта Пас Нёр, похожий на спину лошади”. Все эти факты явно порождены пережиточным культом коня.

А как же олени и оленеводство? Разумеется, и они представлены в топонимии, но по-другому. “Лошадиные” названия в большинстве случаев метафоричны: хребты или горы напоминают круп лошади. “Оленьи” топонимы, напротив, ситуативны. Таково в конечном счете даже наименование самой почитаемой из “оленьих” гор *Салы урнэ Нёр ойка* – “Каменный старик, пасущий оленей”. Это пастух у одного из нёроек. Прочие же названия всегда связаны с каким-либо событием или наличием оленей: *Салы сакватам ур* – “Гора, где разбился олень”, *Салыпал воль* – “плёс половины оленя”, *Салы тартан няр* – “Болото, куда отпус-

кают оленей” и т.п. Встречаются и наименования оленят: *Нята рохтум сори* – “Седловина, где испугался олененок”. Таким образом, олень – это настоящее, быт, будни, обычная жизнь манси-оленевода, а конь – прошлое, память, миф.

Считается, что северные манси стали оленеводами сравнительно недавно – предположительно в первой половине истекшего тысячелетия, заимствовав его у ненцев [5]. Показательно, что и мансийское слово со значением “чум” – *ёрникол* дословно переводится “ненецкий дом”.

Топонимические свидетельства о весьма непростых, часто военных контактах манси и ненцев довольно многочисленны. Они образуют две группы. Первая – очень разнообразные по семантике мансийские названия с этнонимом *ёрни* – “ненец”, которые на Северном Урале встречаются повсеместно: *Ёрни ёква сѳс* – “Ручей ненецкой женщины”, *Ёрни пупыгыт* – “Ненецкие идолы” (наименование скал-останцов), *Ёрныт вагылсам мѳсыг* – “Излучина, где спустились ненцы” и мн. др. Вторая группа – собственно ненецкие названия, которые были усвоены манси. Зафиксированы они в верховьях Печоры и далее к северу вдоль хребта, т.е. начиная примерно с 62° с.ш. Среди них есть топонимы, сохранившие изначальную ненецкую структуру, например *Хальмер сале* – “Отрог покойника”, но встречаются и мансийско-ненецкие гибриды типа *Ёңгылей сяхл*, где *сяхл* – мансийское “гора”, а *ёңгылей* из *еңгальей* – ненецкого слова со значением “продолговатый”, “вытянутый” [6. с. 101], каковой и является эта водораздельная вершина. Таким образом, ненецкие названия находятся на разных этапах усвоения, причем к северу их количество возрастает, и что немаловажно, преимущественно фиксируются названия гор. Очевидно, манси не только заимствовали оленеводство у ненцев, но и со временем стали оттеснять их на север, осваивая новые летние пастбища, т.е. шла борьба за зону хозяйственных интересов.

В свете многообразных мансийско-ненецких контактов интерес представляют и близкие по значению мансийское и ненецкое параллельные названия самого северного нёройки: у манси – *Сакв талях Нёр ёйка* – “Старик-Камень в верховьях реки Сыгва”, у ненцев – *Пэ’ерв* – “Хозяин Камня (Урала)”. Вряд ли можно утверждать, что все мансийские нёройки восходят к ненецким оригиналам. Это может быть и общая типология. Тем не менее такой параллелизм заставляет задуматься.

Знаменитый венгерский первопроходец в изучении манси и их языка Антал Регули вообще

считал, что первоначально “Урал принадлежал исключительно самоедам; это доказывается именами гор... Имена всех почти гор здесь самоедские, а некоторые из них, вогульские и остяцкие, суть ничто иное как переводы имен самоедских” [7, с. 164]. Во многом Регули прав, что доказывается и нашими материалами, однако он слишком категоричен, утверждая, что на Северном Урале “имена всех почти гор – самоедские”. На фоне множества мансийских наименований ненецкие оронимы все-таки представляются реликтами.

Проблему создает и еще одно обстоятельство. Ненецкие по происхождению названия обычно являются оронимами, тогда как ненецкие гидронимы редки, вторичны и относятся к малым рекам (ср. упомянутый выше ороним *Хальмер сале* и смежный гидроним *Хальмер я*, где *я* – мансийское слово со значением “река”). В то же время наименования крупных рек, необъяснимые на ненецкой почве, мансийские информанты тоже не могут перевести. Таковы мансийские *Пѳсер* (русское *Печора*), *Пасар* (русское *Вишера*), *Луссум* (русское *Лозьва*), *Пѳлас* (русское *Вѳлс*) и др.

Есть основания считать эти названия субстратными, но не ненецкими, что подтверждает лингвистическая география. Ненецкие оронимы и неясные по происхождению гидронимы совмещаются в верхнем течении Печоры, однако в целом оронимы такого рода располагаются севернее, а гидронимы южнее и преимущественно на западном склоне Урала. До сих пор нет сколько-нибудь убедительной трактовки происхождения этих названий рек. Очень трудный вопрос еще более осложняется попытками объяснить такие названия с помощью мансийского языка (см. ниже о *Пѳсер* – *Печора*).

Тезис об автохтонности манси и отсутствии субстрата в их топонимии явно противоречит утверждению о приходе манси с более южных земель. А предполагать, что до манси занимаемые ими в настоящее время территории были безлюдны, невозможно хотя бы потому, что более северные и более трудные для жизни территории были заняты теми же ненцами. Кроме того, ученые уже давно пришли к выводу, что бессубстратных территорий или нет, или они являются большой маргинальной редкостью. Но территорию расселения манси никак нельзя считать маргинальной.

Трудно сказать, удастся ли решить проблему идентификации домансийского субстрата. В то же время изучение мансийской топонимии позволяет в какой-то мере осветить вопрос о расселении манси в прошлом. Споры идут о южной и западной границах мансийского ареала. Действитель-

но, движение манси с юга на север вдоль Уральского хребта лишь реконструируется по данным мифологии и косвенным топонимическим свидетельствам. Однако субстратная мансийская топонимия достаточно надежно свидетельствует, что южная граница расселения манси в прошлом проходила где-то между верховьями рек Нейва и Исеть, т.е. несколько севернее современного Екатеринбурга [8; 9]. Далее к югу сколько-нибудь надежные мансийские топонимы не прослеживаются. В Челябинской области их находят только дилетанты.

Сложнее решить вопрос о западной границе. А. Каннисто находил мансийскую топонимию во всем Приуралье и западнее вплоть до границ с Архангельской областью [10], А.П. Афанасьев – на всей территории Республики Коми, а по мнению Е.И. Ромбандеевой, манси с юга сначала пришли на западный склон Урала, освоив здесь громадную территорию, затем переселились на восточный. Все это будто бы доказывает и топонимия: “примечательно то, что сведения, представленные в фольклорных произведениях о миграции манси, подтверждаются объективными лингвистическими данными – топонимами на территории Приуралья, начиная с Кировской области, Удмуртии, Башкирии и даже западнее...” [2, с. 4]. Это смелое построение иллюстрируется всего двумя примерами, которые относятся к территории... Урала. Но они весьма показательны с точки зрения методики интерпретации топонимических фактов.

Сначала с ссылкой на П. Хунфалви утверждается, что манси именуют Печору *Маньси хум я* – “Река мансийского мужчины (человека)” [2, с. 42]. В действительности Хунфалви пишет, что *Mansi-hum-já* по-русски называется *Pocserem* [12, с. 74, 83], т.е. имеется в виду правый приток Печоры – река Подчерем, а не сама Печора. Но дело не только в этом. Ведь никто и не сомневается в том, что манси осваивали Припечорье, примыкающее с запада к Уралу. Более того, Печора начинается в Уральских горах, там, где манси издавна пасли оленей. Ясно, что они хорошо знали и эту реку, и ее название. Примечательно другое. На восточном склоне Урала, который манси называют *Маньси ма* – “Мансийская земля”, *Маньси пал* – “Мансийская сторона”, этноним *маньси* в других топонимах не встречается. И это понятно: там все свое, мансийское. Между тем на западном склоне уже упомянутый Подчерем именуется *Маньси хум я*. Кроме того, один из отрогов Уральского хребта в верховьях реки Вишера, т.е. опять-таки на западном склоне Урала, называется *Маньси хумит нел* – “Отрог мансийских людей”. Почему

так? Причина проста. На западном склоне нужно было обозначить свои владения, потому что здесь, к западу от водораздельного хребта, лежала уже *Саран ма* – “Зырянская земля”, *Саран пал* – “Зырянская сторона”.

Можно привлечь и другой довод в поддержку тезиса о таком “лингвоэтническом” членении Северного Урала. Большие реки в ряде случаев манси называют *Тэгт*. Считается, что *тэгт* – “ветвь”, “рукав (реки)”. Вероятно, исторически и этимологически это так. Но главное, что название *Тэгт* встречается на разных территориях. В местах современного и прошлого расселения манси находим: *Тэгт* (Северная Сосьва) с притоком *Мань Тэгт* (Малая Сосьва) и росохами *Яныг Тэгт* (Большая Сосьва) и *Мань Тэгт* (Малая Сосьва), в Свердловской области – *Ось Тэгт* – “Узкий Тагт” (Южная Сосьва, или просто Сосьва), а также *Тавда* (из диалектного варианта **tawt* / *taɣt* при чередовании *γ ~ w*). На западном склоне Урала таких названий нет.

Теперь о мансийском названии Печоры – *Пёсер* или *Пёсер я*, т.е. “Река Пёсер”, которое якобы тоже доказывает, что манси в старину населяли все Приуралье и территории к западу от него. Информанты-манси это название перевести не могут, и оно воспринимается как немансийское, вписываясь в ряд неясных по происхождению наименований типа *Пасар*, *Пёлас* и т.п. Однако Е.И. Ромбандеева считает, что *Пёсер* восходит к мансийскому *пасяр* – “рябина”, т.е. *Пёсер я* (Печора) – “Рябиновая река” [2, с. 42–43]. Изменение вокализма в этом случае еще можно допустить, но семантический аспект неадекватен. Во-первых, очень большие реки, а именно такова Печора, вообще редко называют по видам деревьев, потому что на берегах таких рек можно видеть все местные деревья. Во-вторых, манси четко выделяют группу из пяти деревьев, особо значимых как в мифологическом плане, так и в хозяйственной жизни: березу – *халь*, кедр – *ульпа*, ель – *хөвт*, лиственницу – *наңк* и сосну – *тарыг* [2, с. 66]. Наконец, в-третьих, на обследованной нами территории многократно засвидетельствованы топонимы, содержащие мансийские обозначения этих пяти видов деревьев, но вообще не зафиксированы названия со словом *пасяр* – “рябина”. Конечно, оно еще может встретиться в каком-нибудь из микротопонимов, однако в таких гидронимах, как Печора, это нереально.

Естественно, четкой границы между *Маньси ма* и *Саран ма* не было. Но показательно, что параллельные коми и мансийские наименования обычны на западном склоне Урала и водораздель-

ном хребте. На восточном склоне в южной части Северного Урала коми названия редки. Чем дальше на север, тем их больше. Это связано с тем, что оленеводством занимаются и северные коми, которые проникли и на восточный склон Урала в районе Саранпауля (“Зырянское селение”) в бассейне Северной Сосьвы. На Приполярном Урале мансийские названия соседствуют с коми, хантыйскими, ненецкими топонимами, а на Полярном их уже нет.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Kannisto A.* Materialien zur Mythologie der Wogulen // *Mémoires de la Société finno-ougrienne.* 113. Helsinki, 1958.
2. *Ромбандеева Е.И.* История народа манси (вогулов) и его духовная культура. Сургут, 1993.
3. Мифология манси // *Энциклопедия уральских мифологий.* Т. II / Главн. ред. И.Н. Гемуев. Новосибирск, 2001.
4. *Хайду Петер.* Уральские языки и народы. М., 1985.
5. *Федорова Е.Г.* О возможных путях становления обско-угорского оленеводства // *Европейский Север: взаимодействие культур в древности и средневековье: Материалы по археологии Европейского Северо-Востока.* Вып. 14. Сыктывкар, 1995.
6. *Терещенко Н.М.* Ненецко-русский словарь. М., 1965.
7. Письмо венгерского путешественника г-на Регули члену РГО акад. П.И. Каппену от 21 января 1847 г. // *Записки РГО.* Кн. 3. СПб., 1849.
8. *Иванова Е.Э.* Топонимия среднего течения реки Чусовой: Дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 1993.
9. *Смирнов О.В.* Русская топонимия северной части Горнозаводского Урала: Дис.... канд. филол. наук. Екатеринбург, 1997.
10. *Kannisto A.* Über die früheren Wohngebiete der Wogulen im Lichte der Ortsnamenforschung // *FUF,* XVIII. Helsinki, 1927.
11. *Афанасьев А.П.* Топонимия Республики Коми: Словарь-справочник. Сыктывкар, 1996.
12. *Hunfalvi Pál.* A'vogul föld és nép. Pest, 1864.